

ИСТОРИИ

**«Вы его убьете или мы его убьем.
Выбирайте, что лучше»** Монолог
гомосексуала, сбежавшего из Чечни

17:09, 16 апреля 2017 · Источник: Meduza

Фото: Фото: Валерий Шарифулин / ТАСС / Scanpix / LETA.

[Ссылка на материал](#)

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

Движение «Российская ЛГБТ-сеть» пытается помочь гомосексуалам, которые подверглись преследованиям в Чечне. Сотрудники организации запустили горячую линию и пытаются отправить пострадавших за границу или вывезти хотя бы за пределы Чечни. О кампании против геев 1 апреля сообщила «Новая газета»: по данным издания, в республике задержали больше ста человек, три человека убиты; людей держат в секретных тюрьмах и с помощью пыток пытаются выбить контакты других гомосексуалов. 13 апреля «Новая» выпустила обращение, в котором заявила, что «у редакции после публикации о преследованиях геев есть серьезные опасения за безопасность уже не только конкретных журналистов, но и всех без исключения сотрудников». «Медуза» публикует монолог одного из чеченцев, попросивших помощи у организации; его записала журналистка Елена Костюченко.

По просьбе героя мы не сообщаем его имени; из текста удалены сведения, которые позволяют вычислить его личность и местонахождение.

Я гей; не такой, чтобы орать об этом. Даже жена не знает. У меня четвертый ребенок на подходе. У меня много

родственников — и никто не знает, что я гей. Я живу обычной жизнью. Но если у меня будет возможность встретиться с кем-то, я не буду, конечно же, отказываться. Мне это необходимо. Я не думаю, что это моя вина. Может, природа, а может, болезнь.

У нас в республике никто не ходит с пирсингом, с длинными волосами и так далее; никак не показывают люди свою ориентацию. Ты по мне скажешь, что я гей? Так же и там и ходят. У многих семьи. У всех семьи, фактически. У нас такие вещи не разглашаются. Чтобы поставить свою фотку на сайте знакомств — такого нет. Никто [из местных геев] не знает имен друг друга, где кто работает, где кто живет. У всех клички, и людям это сложности создает. Они ищут Мусу, а на самом деле ты Саид.

Я работал — и работал хорошо, на жизнь хватало, уверенно себя чувствовал. Был друг, тоже гей. Мы с ним редко виделись, совсем редко. И у нас был общий знакомый. Не знаю, какие между ними были отношения. Я их обоих знал. Люди видели, что они ко мне подходили, что мы разговаривали. И потом этот наш общий знакомый познакомил меня со своим родственником. А потом этого родственника поймали на чем-то — и видимо, в телефоне лазали. По этим контактам они поняли, что он нетрадиционной ориентации. Так они так по цепочке на меня вышли.

«Они привыкли, что они люди последнего сорта, им эту мысль внушили» Сотрудники «Российской ЛГБТ-сети» — об эвакуации геев из Чечни

Полицейский мне позвонил: «Где ты? Быстренько одевайся, я сейчас подъеду». Я сразу телефон на полку убрал, взял другой, где контактов не было. Вышел — они уже у двери были. В машине согнули, чтобы не видел, куда едем. Сразу до меня дошло, что именно за это [гомосексуальность] меня взяли. Они в телефоне порыскали, ничего не нашли.

Повели в подвал. Там двери вот такой толщины, сырость. Очень было тяжело. Там уже был этот мальчик — родственник того человека. А его самого [общего знакомого] отпустили — за то, что сдал нас.

Первые несколько часов били. У меня здесь была сильная гематома, ребра сломали. Потом ток. Специальная катушка такая, прищепки железные на уши или на руки — и начинали. Я выдерживал. Морально — куда больнее. Говорят, что ножом ударишь, рана заживает, а если словом — никогда. Психику мне разрушили. Они искали моего друга — не могли найти его номер. Я говорил, что знаю всех как знакомых, как соседей, что у меня своя семья. Я говорю: если я гей,

привезите человека, который скажет, что он со мной был. Я поклянусь, что это неправда. И я бы поклялся.

Тот парень, которого вместе со мной забрали, — спортсмен, красавчик. Такой хороший парень. Тоже не сдался. Только очень сильно орал. Я уже ему кричу: ты хоть придумай [выдумай что-нибудь], Расскажи им. Ему очень больно было.

Там подвал такой, много комнат. Ты слышишь все, но не видишь. Мы там неделю провели. Не кормили нас вообще. Просто голодом морили. Ни еды, ни воды. Молиться разрешали. Идешь в туалет, там омовение⁽¹⁾ совершаешь и быстро пьешь.

В Грозном есть один парень в теме. Он среди геев славится как икона стиля. Одевается всегда красиво. И, естественно, натуралы, которые его видят, догадываются [что он гей], но точно не знают. И этот военный, который меня допрашивал, он давно, видимо, на него справки наводил. Но доказательств не было. И нашли его, привели. Меня допрашивают, и тут его заводят. «Ты его знаешь?» Хорошо, что мы увидели друг друга вообще. Я говорю: не знаю. И этот парень услышал и понял, что я ничего не сказал на него. И он тоже сказал, что меня не знает. Они начали ему врать: он про тебя говорит, что ты такой [гей]. А тот отвечает: да откуда, я его не знаю, какой он мне друг? И к нему больше не докопаться, и его отпустили. Сейчас за границей находится. Всем повезло,

что он успел уехать. У него нет детей, он живет своей жизнью. И таких пыток он бы не выдержал [и мог бы сообщить о своих знакомых геях].

За то время, что нас там держали, они нашли-таки адрес моего друга. Пришли к нему домой, а родители сказали, что он в Ростов уехал. А сами ему позвонили. Он сразу продал недвижимость за полцены и улетел за границу. Нас это спасло. Вскоре нас отпустили.

Мне они сказали, чтобы я не уезжал, чтобы в любое время был доступен для них: «Никому ни слова, остаешься дома, чтобы в любое время был на связи». А мы с семьей как раз переехать собирались. И, конечно, как я вышел, переехали. Я начал работать, жить обычной жизнью, потихоньку все улаживалось, утихомиривалось. Только я весь поседел, меня даже люди не узнавали на улице.

У меня такие родственники... Если бы что [узнали], они бы даже не дали им меня убить — они бы сами меня убили. Такого позора они на себе не терпели бы. Они знали, что меня задержали, но не знали, за что.

Спрашивали того полицейского [который задерживал] — он тоже: мне сказали привезти, я ничего не знаю.

Родственники причитали: он же не курит, не пьет, не дебоширит, ничего делает. А один полицейский сказал: дошли слухи, что гей. [Родственники ответили] «Ну как гей, у него семья, он не может». Но больше

особо [меня] не искали. [Родственники решили, что] раз такое дело, будем ждать. Я пришел домой, говорю: «Они искали одного человека, а он мой знакомый, через меня хотели его найти». Потом один родственник отвел меня в сторону и говорит: «Был на тебя такой слух, я чуть со стыда не умер». Я: «Неправда, какой я гей, ты меня знаешь прекрасно, это все брехня».

И тут как раз пошла волна [задержаний геев]. Как получилось? У нас в республике появилась такая мания... Ну как мания? Запретили водку пить. Алкоголь практически невозможно купить — в двух-трех местах максимум в течение нескольких часов. Все перешли на таблетки — «лирики», «тропики», психотропные. Многие на это подсели. И одного парня из-за этих таблеток взяли. Забрали, конечно, телефон поковыряться: о, хорнет⁽²⁾, фотки обнаружились. По этой цепочке начали всех забирать. Такое горе получилось с этой случайности.

В Цоцин-юрте держали людей в старом полку, около моста (*речь идет о здании на улице Кадырова в районе автомобильного моста через реку Хулхулау — прим. «Медузы»*). Я знаю точно. Мой родственник работает там же. Не знает, что я в теме. Звонит и говорит: «Что делаешь? ***, прикинь, сколько у нас геев Чечне!» Я говорю: да какие геи в Чечне? «Сколько у нас геев, оказывается, 200 человек привезли. Даже такого-то привезли». А это наша знаменитость. Я говорю:

«Да не может быть». «Да, привезли, отвечаю. Нам дали полномочия вылавливать». Спрашиваю: зачем? «Чтобы их опозорить. Вызывают ихних родственников, включают камеру, ну и — ваш человек такой, принимайте какие-то меры для него. Мы сделаем или вы сделаете. Вы его убьете или мы его убьем, выбирайте, что лучше». А снимают — чтобы доказательство, наверное, было.

Тогда забрали одного человека, которого я знал. Его отпустили домой, он сам умер дома на второй день. Я знаю имена тех, кого убили родственники. Еще один парень, он то ли с Польши, то ли с Германии, он мог свободно приехать-уехать. Позитивный чувак. Приехал в республику — и его тоже поймали. Его держали 40 дней. Когда он вышел, у него ноги были черного цвета.

Почему я убежал оттуда? Позвонила бывшая соседка: приехали военные, стучали, искали меня. Она им соврала, что не знает, куда мы переехали. И в тот же день моего знакомого взяли. Отпустили почти сразу — искали не его. Но он слышал, они между собой сказали мое имя: теперь за таким-то поехали. Он мне позвонил: спрячься, исчезни, за тобой идут.

Я испугался, начал бегать то к одним знакомым, то к другим, метался. Не верил никому. Только друг меня уговорил, что есть такая помощь (*горячая линия «Российской ЛГБТ-сети» — прим. «Медузы»*). Хотя

я от других людей тоже про это слышал, но не верил. Все продается, а у меня семья. Не ради себя — ради семьи мне надо жить, дети есть, я не могу рисковать.

Но я послушался, доверился другу, и вот здесь я нахожусь. Мои родители не знают, где я. Я даже жене своей не сказал. Я ей соврал, что мне знакомый предложил работу. Она мне: если там так хорошо, езжай.

Я только начал приходить в себя, глицин пью, таблетки всякие. Бог с ним — били, я ничего не говорю.

Но морально... Они меня морально убили там. Если бы не было грехом повеситься, я бы уже повесился. Я сплю и от страха вскакиваю. Я выхожу на улицу — мне постоянно кажется, что за мной следят. Я боюсь телефона. Машина останавливается — я шарахаюсь от нее. Я даже в Москве не хочу жить. Они везде.

Назад у меня шага нету. Я сейчас еду неизвестно куда, я не знаю, что со мной будет. Я знаю одно: если я перееду, я устроюсь и заберу свою семью. И не то что мои дети — мои даже внуки в Чечню не поедут. Пока я живой, я не дам туда уехать. Я за них боюсь. Я знаю, насколько мои дети [ко мне] привязаны. Моя дочка спать не ложится, когда меня нет рядом. Она плачет, понимаете? И я не могу сейчас домой поехать.

За что мне это? Я хочу жить спокойной жизнью, как все люди. Работать. Пить, есть. Платить налоги. Я никого

не ущемлял, ни у кого ничего не просил. Всю жизнь работаю, от меня только польза была. А то, что я гей, я не виноват. Я не устраиваю гей-парады против их желаний. И если человек попал в эту ситуацию, я думаю, не надо его убивать. Не надо его афишировать. Надо помочь как-то. Может, в больницу положить. Может быть, лечение есть. Или смириться нужно.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ

«Признаться в Чечне, что ты гей, может быть смертельно опасно» Что говорят после публикации «Новой газеты» о задержаниях и убийствах гомосексуалов в Чечне

Муфтий Чечни пообещал журналистам «Новой газеты» возмездие Аллаха

«Эхо Москвы» сообщило об угрозах из Чечни

Записала **Елена Костюченко**

(1) Омовение

Речь идет о ритуальном омовении, которое совершается перед намазом

[Вернуться к тексту.](#)

(2) Hornet

Сервис знакомств для гомосексуалов

[Вернуться к тексту.](#)